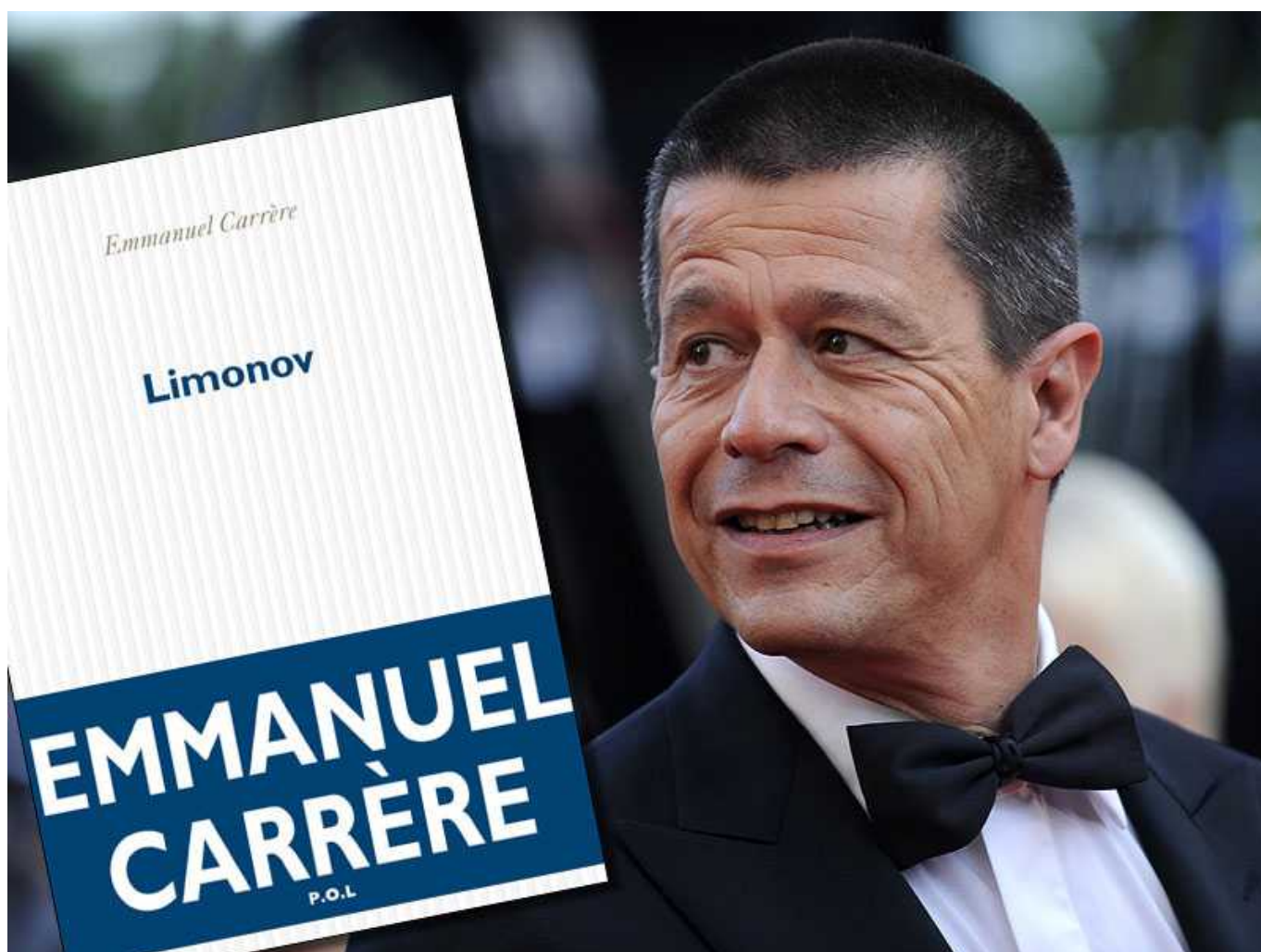

Анти-«Лимонов» | Anti-"Limonov"

Auteur: Галина Аккерман, [Париж](#), 11.01.2012.

Писатель Эммануэль Каррер (©Le Temps)

Предлагаем вашему вниманию рецензию на книгу Эмманюэля Каррера «Лимонов», удостоенную двух французских литературных премий (le Prix Renaudot 2011 и le Prix de la langue française 2011) и вызвавшую самые противоречивые реакции сначала во Франции, а теперь и в Швейцарии.

|
Anti-"Limonov"

Как определить жанр книги Эмманюэля Каррера «Лимонов» (Emmanuel Carrère,

Limonov, Paris, POL, 2011)? Роман? Пожалуй, нет. Об этом свидетельствует фраза из авторской аннотации книги: «Лимонов – это не персонаж из художественной литературы. Он существует. Я с ним знаком». Быть может, это биография? Пожалуй, и это определение не подходит. Ибо биография не может быть основана лишь на автобиографических текстах героя, а именно так обстоит дело с книгой Каррера, в то время как сам Лимонов неоднократно подчеркивал, что его произведения, несмотря на автобиографическую канву, содержат и элементы художественного вымысла.

Вероятно, стоит напомнить тем, кто еще не ознакомился с этим французским бестселлером, удостоенным престижной премии Ренодо, основные моменты пестрой биографии Эдуарда Лимонова (его настоящая фамилия – Савенко), который в последние годы известен в основном как политический активист: поэт и писатель андерграунда в советскую эпоху; эмигрант, проживший в США и во Франции вторую половину 1970х и 1980е годы; «друг сербов», а также абхазов и жителей Приднестровья в период этнических войн в начале 1990х; евразиец и национал-большевик в пост-советской России, отсидевший в тюрьме за «экстремизм» и в последние годы примкнувший к так называемой «внесистемной оппозиции». При этом Лимонов остался плодовитым писателем, автором десятков книг и кумиром узкого круга радикальной молодежи.

Как и Каррер, я тоже знакома с Лимоновым. Я раз или два встречалась с ним в Париже в 1980-х, а в последние годы виделась с ним в Москве. От наших парижских встреч у меня в памяти осталось лишь гладкое, какое-то детское лицо и вялое, влажное рукопожатие. В то время он был, в основном, известен своим скандальным романом «Это я, Эдичка», опубликованном во Франции под «звонким» названием «Русский поэт предпочитает больших негров». Я же работала в Интернационале Сопротивления, который занимался поддержкой диссидентов (многие из них оказались в Париже), и этот человек, который боготворил Сталина и участвовал в дебошах, на меня впечатления не произвел.

Четверть века спустя, по просьбе Оливье Рубинштейна (он был тогда литературным директором издательства Деноэль), я встретилась с Лимоновым в запущенной московской квартире, которую он использовал для своих профессиональных контактов. Рубинштейн знал, что его приятель Каррер работал над биографией Лимонова, и хотел параллельно опубликовать неизданную по-французски книгу Эдуарда, а также интервью с ним в «Meilleur des mondes», журнале, в котором я регулярно писала. В конечном счете, ничего из этого проекта не получилось – роман,

который я предложила Оливье для публикации, не показался ему «обреченным на успех», а мое интервью не было опубликовано, потому что журнал тем временем прекратил свое существование.

Как в Париже, так и в Москве мне не удалось по-настоящему «законтачить» с Эдуардом: он принадлежит к той категории людей, которые не испытывают ни спонтанной симпатии, ни интереса к своим собеседникам. Передо мной всякий раз сидел холодный, равнодушный, малоразговорчивый человек, так не похожий на трибуна, каковым он, видимо, предстает на митингах перед своими сторонниками. Сталкиваясь с ним «вживую», трудно даже поверить, что это – тот человек, который с таким пафосом писал памфлеты в своей газете «Лимонка», запрещенной (как и национал-большевистская партия) за пропаганду фашизма и экстремизма. Именно поэтому, еще не прочитав книгу, меня разбирало любопытство: как Карреру удалось написать целый фолиант о Лимонове?

К чести Каррера, он – как настоящий постмодернист – не скрывает своих методов работы: как я уже упомянула, он описал жизнь Лимонова, опираясь исключительно на произведения самого Лимонова. Быть может, он не планировал этого заранее. После того, как он написал черновой вариант своего текста, он столкнулся с тем же феноменом, что и я: он попытался поговорить с Эдуардом по душам. Он готов был провести с ним много дней. Но ничего из этого не вышло. Он в этом исповедуется в конце своей книги: «Я задаю ему вопрос, он отвечает, а закончив ответ, молча рассматривает перстни на руке и ждет следующего вопроса. Тогда я решил, что не буду терять время на такую беседу, а выкручусь с тем, что у меня есть».

Мне не удалось по-настоящему «законтачить» с Эдуардом: он принадлежит к той категории людей, которые не испытывают ни спонтанной симпатии, ни интереса к своим собеседникам. Передо мной всякий раз сидел холодный, равнодушный, малоразговорчивый человек, так не похожий на трибуна, каковым он, видимо, предстает на митингах перед своими сторонниками.

И действительно, Каррер замечательно выкручивается с тем, что у него есть: исходя из текстов Лимонова, которые он «прочесал», извлекая из них не только факты, но и смачные детали (мы никогда не узнаем, подлинные или выдуманные), он реконструирует, по его словам, «настоящий авантюрный роман». Я полагаю, что если бы он проделал нечто подобное по отношению к живущему западному автору, его упрекнули бы в том, что он не сопоставил произведения этого автора с свидетельствами тех, кто его лично знает, что не провел никакого расследования. Но Россия воспринимается на Западе как некое таинственное пространство (о, загадочная русская душа!), и Каррер, сын знаменитой специалистки по России Элен Каррер-Данкос, который неоднократно сам там бывал, вызывает изначальное доверие у неискушенных.

Нет, нет, я отнюдь не хочу сказать, что Каррер рассказывает читателю байки и вешает лапшу на уши. За исключением некоторых мелких деталей и неточностей в транскрипции русских слов, он дает весьма точные описания советской и пост-советской России. Я его упрекаю в другом: он использовал свой несомненный литературный талант для того, чтобы создать своего рода дайджест творчества Лимонова, описывая литературного героя, которого он выдает за живого человека. Я полагаю, что подлинная личность Лимонова настолько сложна и символична, что она заслуживает настоящей биографии. Но эта биография должна быть куда более

глубокой и интеллектуально честной, чем книга Каррера, где он пишет: «Лимонов видит себя героем, можно рассматривать его как негодяя: я, со своей стороны, отказываюсь от суждения».

Мне наплевать на сексуальные похождения Лимонова, которые занимают столь значительное место в книге Каррера. Мне наплевать, действительно ли он сношался с «большими неграми». В этих вопросах я тоже отказываюсь его судить. Но как отказаться от осуждения отвратительных текстов, которые Лимонов публиковал в своей «Лимонке» на протяжении 1990-х годов? Вот несколько «перлов».

Бесчувственным, реагирующим только на супер-шоковые, особо кровавые и особо жестокие события российским гражданам на самом деле хочется, чтобы пришли ФАШИСТЫ, они — страшные, подтянутые, молодые, и решили все вопросы. Обывателю хочется, чтобы (ну да, он боится их, и голосует еще против них, но во сне видит их, желанных) фашисты пришли, наконец, и навели порядок. Чтобы браваурная героическая музыка и яркие флаги разбудили его обывательский сон. Он грезит отдать в фашисты сына и выдать за фашиста дочь. Ленивый и вялый обыватель с удовольствием будет приветствовать пинок в зад, который выпрямит его, взбодрит и пробудит к жизни.

Патриоту хочется, чтобы фашисты безжалостно скрутили головы не в меру резвым чеченам и он будет приветствовать мужественную твердую волю ассирийски безжалостного вождя фашистов. Он засыпет бомбами бандитскую Чечню, загонит в клетку кавказцев и заставит уважать русских.

Содержанке-интеллигенции, вконец запутавшейся в своих бабьих капризах и замучившейся давать всем сразу, станет вдруг легко: придет хозяин, возьмет ее за волосы, пригнет и использует по назначению... Никакой суд, никакая демократическая процедура и коммунистическая тюрьма не утолит их <интеллигентов> жажду наказания: они изнывают от тоски по плети, порке, грубому битью по печени, а эти все прелести могут устроить им только фашисты.

Юные женщины России грезят о настоящих мужчинах, тех, что изведут бандитов, вышибут пьяных лавочников и уродов-бизнесменов с большими животами. Наконец можно будет восхищаться мужиком и, держась за крепкую руку, прогуливаться с ним, вооруженным фашистом, по улицам ночных городов России. А к утру счастливо забеременеть от него»...

Аскетизм чувств (вспомним скучный оскал американской улыбки), насильственно предписанный в демократии массам, сменится разгулом чувств при фашизме и все будут ходить как пьяные от этой новой свободы. Наконец, исчезнет из словарей скудное слово «экономика», и популярным станет чувственное «трибунал».

В эпоху существования национал-большевистской партии и «Лимонки», Эдуард не скупился и на похвалы крайне-левым силам повсюду в мире, не делая исключений даже для уже свергнутых красных кхмеров. В одной из своих статей он с восхищением рассказывает о зверствах в Камбодже при Пол Поте, во имя строительства «новой жизни»:

«Из восьми миллионов кампучийцев мне нужен только один» — любил говорить Пол Пот. Конечно, он был антропологический пессимист и знал, что «человек есть то, что

следует преодолеть». Все население Кампучии было разделено на три категории. В самую низшую попали чиновники-прислужники янки, интеллигенция, предприниматели. Они были объявлены «врагами нации» и подлежали немедленному уничтожению. Патронов на них не тратили — такая сволочь их не стоила. Их убивали мотыгами, дубинками, вбивали гвозди в затылок, закапывали и сжигали заживо...

Самыми преданными и идейными красными кхмерами были дети. Они, не зараженные взрослыми страхами и комплексами, составили тайную полицию Пол Пота, беспощадно вскрывавшую и подавлявшую любые проявления мещанства и буржуазности... Дети всегда обостренно чувствуют справедливость и не знают пощады к врагам. «В нашем обществе никто не имеет права любить или не любить. Думает и решает ангка. Она — мозг, а мы — руки и тело,— говорит 13-летний красный кхмер,— ...к детям предателей я не испытываю никакой жалости. Вы хорошо знаете, что злопамятство — чувство наследственное и оно пропадает только со смертью. Если вы хотите избавиться от клопов, вы не довольствуетесь тем, что убиваете только взрослых клопов».

А заключает он такими словами:

Как и многим другим, этому эксперименту по построению великого Города Солнца, социалистической Утопии не дали свершиться. Сегодня в Камбодже правит принц Сианук, когда-то соратник Пол Пота, обеспечивая бесперебойную работу филиалов американских банков. Китай забыл цитатник Мао и проводит политику капиталистических реформ. Во Вьетнаме открываются свободные экономические зоны. Но где-то в джунглях на границе с Таиландом до сих пор существуют места, свободные от мертвящего влияния капитализма. Там царят коммунистические порядки, там люди относятся друг к другу как братья, там нет денег и интеллигентов. Там строят рай красные кхмеры. И может быть, там люди уже научились летать. (Эти тексты до сих пор циркулируют в интернете, см. <http://ed-limonov.livejournal.com/436562.html> - ГА)

Почему Каррер, который так подробно описывает нам оргазмы и сексуальные передраги Лимонова, ни разу не цитирует тексты, опубликованные в «Лимонке»? И если он хотя бы в самых общих чертах рассказывает нам о военных приключениях Лимонова в бывшей Югославии (хотя мы так и не узнаем, что именно он там делал - брался и пил с офицерами Ратко Младича? Принимал участие в коллективных изнасилованиях? Стрелял по осажденному Сараево?), то почему в книге нет места подобным же приключениям Эдуарда в Абхазии и Приднестровьи? А ведь он, очевидно, поехал туда не только затем, чтобы «понюхать пороху» и набраться творческих впечатлений.

Я позволю себе напомнить читателю (особенно молодому) некоторые детали этих давних историй. В конце советской эпохи, многие регионы и автономные республики, входившие в состав СССР, попытались провозгласить свою независимость. Среди них была Чечня (часть Чечено-Ингушской АССР, входившей в состав РСФСР), Нагорный Карабах (входивший в состав Азербайджана, но населенный почти исключительно армянами), Приднестровье (входившее в состав Молдавии, но населенное русскими) и Абхазия (входившая в состав Грузии и населенная в значительной мере грузинами и армянами, с «титულიной» абхазской народностью, которая являлась меньшинством).

Большой русский и советский патриот, Эдуард долго сожалел о том, что российские войска и российское руководство не усмирили и не истребили чеченцев, потому что речь идет о «российской территории». В то же время, он энергично поддерживал требования независимости Приднестровья и Абхазии, потому что это позволяло надежно привязать эти территории к России, оказавшейся единственным гарантом их никем не признанной независимости. Война в Абхазии была особенно ужасной, потому что она завершилась гигантской этнической чисткой: по меньшей мере 250 000 этнических грузин были изгнаны из родных мест, а их дома были либо отданы в качестве «трофеев» солдатам-добровольцам либо сожжены, чтобы их законные владельцы не могли туда вернуться. Так почему же Каррер об этом умалчивает? Я думаю, что ответ прост, разве что Каррер меня опровергнет. Он черпал информацию о Лимонове в его текстах, причем в основном, если не исключительно, в текстах, изданных по-французски. Судя по некоторым деталям, он вряд ли достаточно владеет русским языком, чтобы искать тексты в интернете, а может быть, и чтобы свободно читать по-русски.

Большой русский и советский патриот, Эдуард долго сожалел о том, что российские войска и российское руководство не усмирили и не истребили чеченцев, потому что речь идет о «российской территории». В то же время, он энергично поддерживал требования независимости Приднестровья и Абхазии, потому что это позволяло надежно привязать эти территории к России, оказавшейся единственным гарантом их никем не признанной независимости.

Лимонов, повторяю, - фигура важная, а в этой книге он представлен как некий мачо с нежной и ранимой душой, который Бог знает каким образом перешел от крайних фашистских идей в лагерь к демократам, не отказываясь при этом от своих прошлых высказываний. Каррер никак не объясняет этот важный переход. Образ, который вырисовывается из его книги, это - образ авантюриста и соблазнителя, жаждущего успеха любой ценой и лишённого принципов.

В качестве эпиграфа к книге, Каррер цитирует Владимира Путина: «Кто хочет восстановить коммунизм, у того нет головы, а кто о нем не жалеет, у того нет сердца». На самом деле, цитата полностью искажена, и Путин говорил не о коммунизме, а о распаде СССР: «Кто не жалеет о распаде Советского Союза, у того нет сердца; кто хочет восстановить его в прежнем виде, у того нет головы». Похоже, что эта лже-цитата (еще одно свидетельство небрежности и передержек Каррера) - своего рода подмигивание бывшим французским левакам, которые с тех пор «вошли в норму». Но относится ли это к Эдуарду? Не думаю.

Позволю себе высказать личную гипотезу. Мне представляется, что Эдуард хорошо изучил и освоил большевистскую тактику. Пока он мог открыто проповедовать насилие и ненависть к режиму (при Ельцине) во имя фашизма, евразийской цивилизации, сохранения и улучшения русского этнического генофонда, он это делал. Когда он столкнулся с полной невозможностью вести прежнюю пропаганду, когда он познал тюрьму за свою подрывную деятельность, он вооружился иной тактикой для борьбы с «плутократией», мешающей расцвету его политической карьеры. Он даже сумел мобилизовать преданных ему молодых нацболов, чтобы пополнить ряды демократической оппозиции и предложил множество эффективных тактических мер по борьбе с режимом. Я не знаю, испытывают ли такие оппозиционеры как Каспаров или Немцов симпатию к Лимонову, но они по существу вынуждены с ним объединяться, потому что он - единственный профессиональный

революционер в их среде. Предоставьте ему возможность заниматься пропагандой, возможность участвовать в демократических выборах любого уровня, и он способен их выиграть. Но с каким последующим планом действий? Я совсем не уверена в его демократических амбициях. В отличие от Каррера, я отношусь к Лимонову всерьез.

Галина Аккерман – известная французская писательница, историк, журналистка и переводчик, специалист по России и постсоветскому пространству. В течение 23 лет работала в Русской службе Radio France Internationale. Русский текст рецензии был подготовлен ею специально для Нашей Газеты.ch. Если эта тема вас интересует, советуем [прочитать интервью](#) Галины Аккерман с Эдуардом Лимоновым.

[Галина Аккерман](#)
[Эдуард Лимонов](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/node/12790>